

На следующий день я проснулся пораньше и отправился в университет. С утра читал лекции один старый профессор — милейший дед с отменным чувством юмора. Рассказывал он исключительно по делу, без лишней воды, так что прогулять его пару мог только круглый дурак.

Когда я добрался до аудитории, Цянь Цзюнь и Лу Минда уже заняли место в среднем ряду. Они даже прихватили для меня стаканчик горячего соевого молока. Я растрогался до глубины души. Что тут скажешь: если кому-то из парней когда-нибудь понадобится техника посылания снов, я сделаю это абсолютно бесплатно.

— Ты и правда в больнице лежал? — подколот меня Цянь Цзюнь, едва я подошёл. — Погляди на себя: бледный как поганка. И так-то был смазливый, а теперь совсем на девчонку похож.

Я невольно коснулся щеки. Что греха таить, выглядел я действительно как человек, едва оправившийся от тяжелого недуга. Но я ведь не по своей воле так исхудал.

— Да будет вам известно, ваш покорный слуга спасал страждущих, — картинно вздохнул я. — Вам, простым смертным, этого не понять.

Я ведь чистую правду сказал, но приятели, разумеется, истолковали мои слова по-своему.

— Скорее уж спасал заблудших девиц лёгкого поведения, — ухмыльнулся Лу Минда, поправляя очки. В его голосе так и сквозило ехидство.

— Бери выше: я спасал всё человечество.

Отношения у нас в троице всегда были отличными, потому и элективы мы выбирали одинаковые.

Пожилой профессор Чжэн читал нам курс истории развития современного мирового искусства. В своё время этот почтенный муж с отличием окончил академию в России, а его собственные живописные полотна стоили приличных денег. Конечно, мерить искусство звонкой монетой — пошлость, но именно меркантильный интерес заставлял студентов забивать аудиторию до отказа.

Среди людей искусства принято считать разговоры о деньгах низостью, но когда появляется реальная возможность заработать, никто не упускает своего шанса.

Это как два непризнанных гения, которые терпеть друг друга не могут. Сойдутся вместе — и давай плевать ядом. Один кричит, что абстракционизм — это мазня сумасшедшего, другой в ответ советует реалисту бросить кисть и уйти в фотографии. Спор этот может длиться годами,

но стоит заговорить о цене их шедевров, как всё встаёт на свои места. Если у первого картина уходит за десять тысяч евро, а у второго — за двенадцать, то обладатель «десятки» сразу затыкается.

Проще говоря, у искусства тоже есть вполне конкретная цена.

На первую половину дня у нас приходились две пары: сначала современное искусство у профессора Чжэна, а затем — английский язык.

На английский, по правде говоря, мало кто ходил, да и я сам не жаловал этот предмет присутствием.

В художественной академии от нас не требовали сдачи сложного четвёртого уровня — достаточно было получить третий, для которого вполне хватало старой школьной базы.

После занятий Цянь Цзюнь убежал играть в баскетбол, а мы с Лу Минда побрели в общежитие.

В комнате Лу Минда сразу же уткнулся в телефон и принялся строчить слащавые сообщения своей ненаглядной, зазывая её на обед. Больше всего раздражало то, что при этом он глупо и счастливо улыбался.

Я растянулся на кровати, надеясь вздремнуть часок-другой, но его восторженное квохтанье разнесло все мои планы в пух и прах.

— Послушай, лаозэр, — не выдержал я, — мы с тобой всё-таки перспективные молодые люди нового века. Соблюдай хоть какую-то приличность, а?

Лу Минда закатил глаза.

— Именно поэтому я сейчас весело переписываюсь, а ты уныло давишь харю.

Тут уж я не на шутку завёлся.

— Подумаешь, первая красавица с факультета дизайна! Вот увидишь, я найду себе длинноногую богачку из приличной семьи, которая сама за мной бегать будет и ещё приданое принесёт!

— Как только найдёшь, с меня роскошный ужин для вас двоих в отеле «Фули», — хохотнул он.

В представлении любого студента отель «Фули» был верхом роскоши. Вкусно там готовили или нет — вопрос десятый, но цены там ломили поистине астрономические.

Мы проболтали ещё какое-то время, обмениваясь колкостями, пока у его пассии не закончились пары. Лу Минда тут же упорхнул на свидание, а мне ничего не оставалось, кроме как поплестись домой.

По дороге я заглянул в лавку, взял пару паровых булочек-маньтоу и порцию свиных рёбрышек в соевом соусе.

В конце концов, я всё ещё числился выздоравливающим, а организму требовалось усиленное питание.

Едва я подошёл к дому, бережно неся свой нехитрый обед, как заметил гостей. Возле калитки меня ждала учитель Шао с ребёнком на руках. Рядом с ней стоял мужчина лет сорока — с самой заурядной внешностью, но неуловимо грозным, властным видом.

Чуть поодаль стоял припаркованный представительский микроавтобус с логотипом того самого отеля «Фули». Возле него несли вахту полдюжины крепких парней в тёмных очках.

Я уставился на эту сцену.

«Мама дорогая, — подумал я, — можно подумать, я фильмов про триады не видел. Чистой воды выезд криминального босса на прогулку».

— Дачуань, ты вернулся! — обрадовалась учитель Шао.

Малышка на её руках тоже несмело мне улыбнулась. Приятно было видеть её живой и здоровой. Как-никак, ради этого спасения я едва душу богам не отдал, так что на сердце сразу потеплело.

— Учитель Шао, что же вы не позвонили? Давно здесь стоите?

— Что ты, мы только-только подъехали, — поспешно ответила она.

Учитель Шао прижимала к себе дочь так, словно держала в руках величайшее сокровище вселенной. В её глазах светилось безграничное материнское счастье.

— Что мы на пороге стоим, проходите в дом, — я быстро отпер замок и пригласил гостей войти.

К счастью, громилы в чёрных очках остались снаружи, иначе в моей тесной прихожей было бы не развернуться.

Мы устроились в комнате, где стоял алтарь. Я с нескрываемым любопытством принялся

разглядывать этого грозного авторитета. До лощёных киношных боссов из гонконгских боевиков он явно не дотягивал, но от него исходила такая тяжёлая, давящая аура, что невольно хотелось держаться настороже.

— Братец, — заговорил гость глубоким, ровным голосом, — я пришёл лично отблагодарить тебя за то, что не остался в стороне и спас мою дочь. Скажу без лишних слов: если у тебя когда-нибудь возникнут трудности здесь, в Шэньяне, только шепни. Кое-какие связи у меня имеются.

— Не стоит благодарности, — вежливо улыбнулся я и отмахнулся. — Моей заслуги тут мало, всю тяжёлую работу проделали бессмертные покровители моего алтаря.

Второй господин Сунь понимающе кивнул, и разговор плавно перетёк на состояние маленькой Вэйвэй.

— Я поспрашивал знающих людей и слышал, что духи на крупных алтарях умеют исцелять хвори, — произнёс он, с надеждой глядя на меня. — Не мог бы ты проверить нашу Вэйвэй? Вдруг после того ужаса у неё остались какие-то скрытые раны или испуг? Может, нужно пропить целебный отвар для восстановления сил?

Договорив, Второй господин Сунь аккуратно положил под курильницу увесистую пачку крупных купюр. Мне даже не пришлось зажигать благовония — я просто поднял глаза на сидевшую неподалёку сестру Бай.

Бай Яньцзю бесшумно скользнула ко мне и внимательно осмотрела девочку.

«Дачуань, с малышкой всё в порядке, — прошептала она мне на ухо. — Серьёзного вреда нет, отделалась испугом. Я продиктую рецепт, пусть соберут травы и попьют несколько дней»

Я согласно кивнул, выдвинул ящик стола и достал письменные принадлежности.

Это был простенький блокнот в половину стандартного листа и старая перьевая ручка, купленная по дешёвке на блошином рынке. К счастью, почерк у меня был каллиграфическим, так что авторитетный вид целителя я не испортил.

— Учитель Шао, господин Сунь, вот рецепт, — я протянул им листок. — Ничего страшного с девочкой не случилось, просто сильный стресс. Пропьёт пару курсов травяного сбора, чтобы успокоить дух, и всё наладится. Я ведь уже говорил вам, что у Вэйвэй прекрасный Восемь иероглифов судьбы. Её ждёт долгая и счастливая жизнь.

Для состоятельной семьи Сунь стоимость лекарств была сущими копейками — меньше пятидесяти юаней за порцию. Но окажись на их месте бедняки, едва сводящие концы с концами, для них и такая сумма могла стать неподъёмной.

— Спасибо тебе огромное, Дачуань, — учитель Шао бережно приняла листок и спрятала его в карман.

Я заметил, что с самого момента нашей встречи она ни на секунду не выпускала дочку из объятий. Поведение матери начинало меня беспокоить. Понять её, конечно, можно — пережить похищение единственного ребёнка врагу не пожелаешь, но подобный гиперопекающий страх вредил и ей, и самой девочке.

— Учитель Шао, физически Вэйвэй здорова, но сейчас ей жизненно необходимо подпитываться энергией людей и земли, — мягко заговорил я. — Это укрепит её духовные корни. Детям, пережившим сильное потрясение, полезно бывать среди сверстников — это закаляет душу. А контакт с сырой землёй и природой вернёт её врождённую чуткость.

Она внимательно ловила каждое моё слово, согласно кивая, но затем растерянно спросила:

— А как именно это сделать? — С людьми всё понятно — играть на площадках, общаться со сверстниками. Но как подпитаться земной энергией?

Я мысленно закатил глаза. Очень хотелось сказать: «Да просто поставьте её ногами на землю!» — но я вовремя прикусил язык, побоявшись получить нагоняй от сурового отца семейства.

— Почаще выбирайтесь в горы, устраивайте пикники на природе, — посоветовал я. — Только в деревню пока не суйтесь: у девочки могут быть свежие воспоминания о месте заточения, пусть пройдёт немного времени. И держитесь подальше от кладбищ. Да, и ещё один момент — ребёнок должен ходить сам, босыми ножками по траве и камням. Не нужно постоянно таскать её на руках.

Учитель Шао лишь задумчиво прикусила губу, но моё шестое чувство подсказывало, что сидевший рядом Второй господин Сунь остался крайне доволен моими словами. Надо же, грозный авторитет, а как трепетно относится к покою своей женщины. Редкое зрелище для людей его круга.

— Мастер, — обратился ко мне Второй господин Сунь, — в прошлый раз вы упомянули, что я могу отблагодарить бессмертных покровителей щедрым подношением. Поскольку я не знаю их кулинарных предпочтений, то заказал лучшие банкетные блюда из нашего ресторана. Разрешите накрыть стол прямо сейчас?

При упоминании еды я оживился и поспешил освободить место, намереваясь сдвинуть старый деревянный столик, но гость мягко остановил меня жестом.

Спустя пару минут в дом ворвалась его свита в чёрных очках. Парни слаженно занесли складной круглый стол, мигом его разложили, а следом за ними потянулись повара в белоснежных колпаках. Они один за другим вносили дышащие жаром подносы. На столе выстроились восемнадцать изысканных блюд — и, судя по оформлению, каждое стоило как

половина моей месячной стипендии.

Когда сервировка была закончена, я зажёл благовония и мысленно обратился к своему первому наставнику, прося его распределить это роскошное подношение среди обитателей алтаря.

Второй наставник Чжоу Тун отнёсся к угощению благосклонно. Сам он давно утратил интерес к мирским яствам, зато младшие духи на алтаре буквально светились от радости, предвкушая пир. Жаль только, что главный обжора, Хуэй Сяобао, пропустил такое пиршество.

Во время недавней схватки Сяобао и сестра Линлин получили серьёзные ранения и ушли зализывать раны в свои духовные обители. Вернутся они нескоро. Сейчас при мне остались лишь несколько Цинфэнов да благородная сестра Бай.

Сестра Бай отличалась утончёнными манерами и строгим вегетарианством. Она лишь пригубила сок и слегка прикоснулась палочками к лёгким холодным закускам, но угощение ей явно польстило. На радостях она даже ласково погладила маленькую Вэйвэй по голове. Говорят, бессмертные так одаривают благословением, но в чём именно оно заключалось, я со своим куцым духовным зрением разобрать не мог.

После этого Второй господин Сунь наотрез отказался отпускать меня просто так и настоял на совместном обеде. Отвергнуть столь горячее приглашение было бы верхом невежливости, так что мне пришлось спрятать свои остывшие рёбрышки и маньтоу в холодильник до лучших времён.

Мы покатали в отель «Фули». Едва мы переступили порог, к нам пулей подлетел главный управляющий. Он кланялся семейству Сунь чуть ли не в пояс — сразу стало ясно, что мой спутник здесь не просто частый гость, а весьма уважаемый и влиятельный покровитель.

Для нашей небольшой компании заказывать огромный китайский банкетный стол не стали — Второй господин Сунь предпочёл изысканный западный зал.

Опыт посещения европейских ресторанов у меня, как ни странно, имелся. Когда-то давно отец решил устроить матери романтический вечер, а нас с сестрой взял за компанию. Из той единственной поездки я отлично запомнил все правила этикета, которым меня терпеливо обучила мама. По крайней мере, сейчас я не опозорился перед респектабельной публикой и твёрдо знал, в какой руке держать нож, а в какой — вилку.

Обед подошёл к концу. Поскольку у учителя Шао во второй половине дня стояла пара как раз у нашего потока, Второй господин Сунь великодушно довёз нас обоих прямо до ворот университета. Вот так, благодаря роскошной трапезе, я лишился последней возможности незаметно прогулять занятия.

Только когда лекция закончилась, до меня дошло: я напрочь забыл спросить у неё про чеки для компенсации расходов на поездку! Досада была такой сильной, что я едва не рванул за ней

в преподавательскую. Но вовремя одумался — заводить разговор о деньгах после столь щедрого приёма было слишком неловко, так что пришлось смириться с потерей.

Примерно через неделю мне на «духовный счёт» наконец капнули заслуженные очки добродетели-гундэ. Разумеется, за спасение живого ребёнка отвалили куда больше, чем за ту неприкаянную душу покойницы.

Если прошлая награда походила на копеечную ставку стажёра в фастфуде, то теперь я сорвал настоящий куш, получив солидный оклад вместе с годовой премией.

Столько небесной благодати обычный смертный не скопит и за три жизни. На радостях я сидел на кухне, уплетал маньтоу с соленьями и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете, балуя себя парой ароматных шашлычков из баранины.

<http://bllate.org/book/20253/2162539>